

Джозеф Хеллер

Джозеф
Хеллер

Поправка-22

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

X36

Серия «XX век / XXI век —The Best»

Joseph Heller

CATCH-22

Перевод с английского *А. Кистяковского*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора при содействии
его литературных агентов ICM Partners.

Хеллер, Джозеф.

X36 Поправка-22 : [роман] / Джозеф Хеллер ; [пер. с
англ. А. Кистяковского]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 672 с. — (XX век / XXI век —The Best).

ISBN 978-5-17-091777-8

Прошло полвека со времени первой публикации, но «Поправка-22» по-прежнему остается краеугольным камнем американской литературы и одной из самых знаменитых книг всех времен. «Time», «Newsweek», «Modern Library», «London Observer» включили ее в списки «лучших романов», а в списке «200 лучших книг по версии BBC» она занимает 11-е место.

Эта оригинальная история о службе летчиков ВВС США в период Второй мировой войны полна несуразных ситуаций, не менее несуразных смешных диалогов, безумных персонажей и абсурдных бюрократических коллизий, связанных с некой не существующей на бумаге, но от этого не менее действенной «поправкой-22» в законе, гласящей о том, что «всякий, кто хочет уклониться от боевого задания, нормален и, следовательно, годен к строевой»...

Это произведение сложно назвать просто антивоенным романом. Это глубокая, всеобъемлющая сатира на нашу повседневность, образ жизни и принципы «цивилизованного» общества...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Joseph Heller, 1955, 1961

© Перевод. А.А. Кистяковский,
наследники, 2015

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091777-8

БЫЛА ТОЛЬКО ОДНА ПОПРАВКА — ПОПРАВКА-22

Остров Пьяноса, расположенный в Средиземном море на восемь миль южнее острова Эльба, безусловно, чересчур мал, чтобы вместить описанные события. Как и окружающая обстановка, персонажи романа тоже вымышлены.

Глава первая

ТЕХАСЕЦ

Йоссариан полюбил капеллана мгновенно.

С первого взгляда и до последнего вздоха.

А в госпиталь он попал из-за болей в печени — хотя до желтухи его болезнь не достигала. Не достигала, к явному замешательству врачей, да и все тут. Если б она обернулась желтухой, они принялись бы ее лечить. Если б сошла на нет, отправили бы Йоссариана обратно в часть. Но желтуха не проявлялась, а Йоссариан не поправлялся, и это решительно сбивало их с толку.

Каждое утро они делали обход — трое деловито серьезных врачей, с уверенными речами и растерянными глазами, в сопровождении деловито серьезной мисс Дакит, одной из палатных сестер, которая недолюбливала Йоссариана. Изучив температурную карточку на спинке его госпитальной койки, они со скрытым нетерпением осведомлялись, как он себя чувствует. Их, видимо, раздражал его ответ, когда он говорил, что, мол, по-прежнему.

— И стула не было? — вопрошал врач в чине полковника.

Йоссариан отрицательно качал головой. Врачи переглядывались.

— Дайте ему еще одну таблетку.

Мисс Дакит заносила распоряжение в свой блокнот и перемещалась вслед за врачами к следующей койке. Все палатные сестры недолюбливали Йоссариана. Печень у него уже прошла, но он предпочитал об этом по-

малкивать, и врачи вроде бы ни о чем не догадывались. Они, впрочем, догадывались, что со «стулом» он их дурачит, облегчаясь в уборной тайком и украдкой.

Йоссариану нравилась госпитальная жизнь. Кормили тут вполне сносно, и еду ему приносили прямо в палату. Больным полагалась дополнительная порция мяса, а когда наступала послеполуденная жара, им давали холодный фруктовый сок или шоколадный напиток. Кроме врачей и сестер, никто здесь не досаждал Йоссариану. По утрам он, правда, трудился часок-другой как военный цензор, зато уж потом с чистой совестью мог валяться на койке до самого вечера. Ему вольготно жилось в госпитале, причем выписки он ничуть не боялся, потому что температура у него устойчиво держалась градуса на полтора выше нормы. Ему было даже вольготней, чем Дэнбару, который грохался временами в обморок — чтоб и его кормили прямо в палате, — а так ведь и морду расшибить недолго.

Решив проболеть до конца войны, Йоссариан написал всем своим знакомым, что попал в госпиталь, но почему — утаил. А потом его осенила блестящая идея. Он сообщил знакомым, что ему предстоит выполнить опаснейшее боевое задание. «Объявлен набор добровольцев. Риск смертельный, но ведь кто-то должен решиться. Я черкну вам пару строк, как только вернусь». И с тех пор он больше уж никому не писал.

Офицеры содержались в госпитале отдельно от унтер-офицеров и солдат, а по утрам досматривали их письма. Это была нудная работа, поскольку солдаты американской армии, как с досадой убедился Йоссариан, жили едва ли менее уныло, чем офицеры. Ему стало скучно в первый же день. Чтобы развлечься, он начал придумывать цензорские игры. Смерть определениям, решил он однажды — и принялся вымарывать из писем,

которые проверял, все прилагательные и все наречия. На следующий день он объявил войну предложениям. А потом его посетило высокое вдохновение, и он решил оставлять в письмах только предлоги. Листки с разрозненными закорючками предлогов обретали подспудный, внутренний драматизм, а сообщения становились гораздо универсальней. Когда и это ему надоело, он начал вычеркивать обращение и подпись, но текст письма оставлял нетронутым. А однажды, тщательно вымарав текст, оставил только зачин — «Дорогая Мэри» — и внизу приписал: «Тоскую по тебе безумно. Э. Т. Тапмэн, капеллан ВВС США». Тапмэн был их полковым священником.

Когда игры с письмами ему приелись, он занялся конвертами — начал вычеркивать адреса и фамилии, уничтожая, словно Всевышний, беспечным росчерком пера отдельных людей и целые семьи, дома, улицы, города и штаты. Поправка-22 предписывала, чтоб на каждом досмотренном письме ставилась фамилия цензора. Большинство писем Йоссариан теперь просто не читал. Только ставил на них свой росчерк. А прочитав письмо, назывался Вашингтоном Ирвингом или для разнообразия Ирвингом Вашингтоном. Вскоре его цензурные вымарки на конвертах привели к самым серьезным последствиям, заставив слегка взволноваться некие высочайшие военные сферы, и это легкое волнение выплеснуло к воротам госпиталя тайного агента военной прокуратуры из Отдела по борьбе с преступностью. Агент ОБП, или в просторечии обэпэшник, водворился в офицерской палате как новый пациент. По желанию свести знакомство с Ирвингом или Вашингтоном и нежеланию досматривать письма — он отказался от этой унылой повинности на второй день — все сразу же поняли, кто он такой.

А вообще-то палата у них подобралась на славу, Йоссариан и Дэнбар никогда еще, пожалуй, в такой не лежали. Их соседом был, во-первых, двадцатичетырехлетний капитан с жидкими золотистыми усиками — летчик-исследователь, сбитый прошлой зимой над Адриатическим морем и даже не простудившийся. Сейчас-то стояло лето, но капитан, которого больше не сбивали, утверждал, что у него грипп. Справа от Йоссариана обессиленно покоился — всегда на животе — обомлевший офицер с малярийной инфекцией в крови и укусом комара на заднице. За проходом стояла койка Дэнбара, а возле Дэнбара лежал артиллерийский капитан, с которым Йоссариан отказался играть в шахматы. Игроком-то артиллерист был очень сильным, так что всякая партия превращалась у них в хитроумный поединок — хитроумный до идиотизма, как сказал Йоссариан, когда отказался с ним играть. А еще в их палате обретался образованный техасец, выглядевший героем цветного фильма, и патриотическое чутье подсказывало ему, что состоятельный, то есть достойный, человек должен иметь на выборах больше голосов, чем какой-нибудь бродяга, мошенник, недоумок, атеист или, допустим, шлюха, то есть люди несостоятельные, а стало быть, и недостойные.

В тот день, когда к ним в палату принесли техасца, Йоссариан деловито выламывал из писем смысловую основу. Это был самый обычный, по-госпитальному бестревожный и жаркий летний день. Жара, тяжелой ладонью придавившая крышу, глушила все мирные дневные звуки. Дэнбар неподвижно лежал на спине, уставившись, будто кукла, в потолок. Он усердно удлинял время жизни. Он добивался этого, углубляя скуку. Он так успешно удлинял время жизни, что казался Йоссариану мертвым. Техасца положили на койку, и вскоре он обнародовал свои взгляды.

— Во-во! — стремительно привскочив, гаркнул Дэнбар. — То-то я думал — чего, думаю, нам не хватает, не хватает, да и все тут! А теперь, значит, понял. — Он шмякнул кулаком по ладони и удовлетворенно заключил: — Патриотизма у нас нету.

— Верна! — гаркнул ему в ответ Йоссариан. — Верна, верна и верна! Деловы капиталы... да свои домашние причиндалы — вот что все защищают! А кто, спрашивается, защищает достойных людей? Кто воюет за их голоса? Нет у нас патриотизма! И даже матриотизма нету!

— А и наплевать, — безучастно сказал младший лейтенант, лежащий слева от Йоссариана. Высказавшись, он перевалился на другой бок с намерением уснуть.

Техасец оказался редкостно благородным, благодушным и благодетельным. Дня через три его уже никто не мог выносить.

При встречах с ним зуд унылого раздражения охватывал человека, словно въедливая чесотка спинного хребта, и все шарахались от него — все, кроме солдата в белом, у которого не было выбора. Солдат этот был водворен к ним в палату контрабандой, под покровом ночной темноты, и они увидели его только утром — горизонтальный гипсово-марлевый кокон и четыре странные конечности, задранные к потолку с помощью свинцовых противовесов, угрожающе застывших в воздухе над неподвижным туловом. Конечности казались лишними, особенно задние. А в гипсовую оболочку передних, с внутренней стороны на уровне локтей, были вставлены два шланга, по которым из прозрачного сосуда струилась вниз прозрачная жидкость. Между задними конечностями — там, где они отходили вверх от бедер, — в гипс была вмонтирована цинковая трубка, изогнутая плавной дугой и нисходящая к полу; недалеко от нижнего ее среза к ней примыкали две резино-

вые, для дренажа почек; объединенные таким образом отходы стекали в прозрачный сосуд, стоящий у койки на полу. Жизненный процесс длился непрерывно, и, когда верхний сосуд пустел, а нижний наполнялся, их быстро и неприметно меняли местами. Общую стерильность солдата в белом нарушало одно-единственное темное пятно — размухренное от дыхания отверстие надо ртом.

Солдат в белом лежал возле техасца, и тот, сидя боком на своей койке, весь день благожелательно журчал, растягивая слова с приятной ленцой американских южан. Его не смущало, что собеседник молчит.

Температуру им мерили два раза в сутки. Ранним утром и под вечер сестра мисс Крэймер входила в палату и, неторопливо двигаясь от койки к койке, наделяла каждого больного градусником. Солдату в белом она вставляла градусник туда, где под размухренной дырой в марлевой маске предполагался рот. Потом мисс Крэймер возвращалась к двери и делала второй обход, записывая температуру в карточки. И вот однажды, глянув на градусник, вынутый изо рта у солдата в белом, она обнаружила, что солдат умер.

— Убийца, — негромко проговорил Дэнбар.

На губах у техасца появилась неуверенная улыбка.

— Душегубец, — пояснительно обронил Йоссариан.

— О чем это вы, ребята? — с беспокойством спросил техасец.

— Ты убил его, — сказал Дэнбар.

— Погубил душу живу, — добавил Йоссариан.

— Да вы просто спятили, ребята, — пробормотал, отпрянув, техасец.

— Ты убил его, — повторил Дэнбар.

— Я слышал, как ты его приканчивал, — добавил Йоссариан.

— Ты убил его, потому что он черномазый, — сказал Дэнбар.

— Вы просто спятили! — выкрикнул техасец. — Нету здесь никаких черномазых! Их содержат отдельно.

— Сержант положил его сюда тайком, — сказал Дэнбар.

— Сержант-то, он ведь красный, — пояснил Йоссариан.

— И ты это знал, — заключил Дэнбар.

Младшему лейтенанту, левому соседу Йоссариана, было наплевать на солдата в белом. Ему на все было наплевать, и он обычно молчал, а если и заговаривал, то исключительно чтобы выразить вслух свое раздражение.

Накануне встречи Йоссариана с капелланом в госпитальной столовой взорвалась газовая печь, и огонь миглом охватил одну из деревянных стен. По госпиталю медленно поползла волна удушливого жара. Даже в палате Йоссариана, футов за триста от столовой, слышался рев пламени и сухой треск полыхающих досок. Минут через пятнадцать с аэродрома приехали аварийные машины, и пожарные больше получаса не могли одолеть разбушевавшийся огонь. А когда победа была близка, небо над госпиталем привычно взбухло монотонным гулом бомбардировщиков, которые возвращались с очередного задания, и бойцы аварийной команды, торопливо скатав пожарные рукава, умчались восвояси, чтобы быть наготове, если какой-нибудь самолет гробанется при посадке и вспыхнет. Все самолеты приземлились, однако, благополучно. Как только последний самолет сел, пожарные ринулись обратно в госпиталь. Когда грузовики одолели подъем — госпиталь стоял на холме, — оказалось, что пожар кончился, испустил дух сам по себе, и разочарованные пожарные, не отыскав ни одной головешки, которую стоило бы заливать,

выпили остывший кофе, а потом долго слонялись по госпиталю, пытаясь утешиться с дежурными сестрами.

Капеллан появился на следующее утро. Йоссариан был погружен в работу — вычеркивал из очередного письма все, кроме любовных слов, — когда тот сел на стул между койками и спросил его, как он себя чувствует. Сел пришелец бочком, на краешек стула, и Йоссариан увидел поначалу только капитанские нашивки на вороте его рубахи. Не зная, кто к нему пришел, Йоссариан решил, что это новый врач или еще один сумасшедший.

— Прекрасно, — ответил он. — Печень слегка пошаливает и со стулом довольно туго, но в общем и целом я чувствую себя прекрасно.

— Это хорошо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это хорошо.

— Мне хотелось навестись раньше, — снова заговорил капеллан, — да я неважно себя чувствовал.

— А вот это плохо, — сказал Йоссариан.

— Просто насморк, — поспешно уточнил капеллан.

— А у меня температура, — так же поспешно уточнил Йоссариан.

— Это плохо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это плохо.

Капеллан поерзал на краешке стула.

— Может, вам что-нибудь нужно? — спросил он.

— Да нет, — вздохнул Йоссариан. — Врачи, по моему, делают все возможное.

— Да нет, — слегка зардевшись, проговорил капеллан, — я не про это. Я про книги... или там сигареты... или, к примеру, игрушки...

— Да нет, — отозвался Йоссариан. — Большое спасибо. У меня вроде все есть — все, кроме здоровья.

— А вот это плохо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это плохо.

Капеллан опять немного поерзал. Потом несколько раз огляделся по сторонам, поднял взгляд к потолку и посмотрел на пол. А потом глубоко вздохнул и сообщил:

— Лейтенант Нетли шлет вам привет.

Йоссариана огорчило, что у них есть общий знакомый.

Дело, значит, было не только в их обоюдной симпатии.

— Вы знаете лейтенанта Нетли? — разочарованно спросил он.

— Прекрасно знаю, — откликнулся капеллан.

— Он ведь немного того, правда?

Капеллан встревоженно улыбнулся.

— Вы думаете? — спросил он. — Я все же не настолько хорошо его знаю, чтобы об этом судить.

— Сомневаться тут не приходится, — уверил капеллана Йоссариан. — Он, как и все они, с большим приветом.

Капеллан веско помолчал, а потом вдруг отрывисто спросил:

— Вы ведь капитан Йоссариан, я не ошибся?

— У Нетли плохая наследственность. Он из хорошей семьи.

— Простите, бога ради, — испуганно сказал капеллан. — Возможно, я совершаю серьезнейшую ошибку. Вы действительно капитан Йоссариан?

— Да, — признал Йоссариан, — я действительно капитан Йоссариан.

— Из Двести пятьдесят шестой эскадрильи?

— Из Двести пятьдесят шестой боевой эскадрильи. И я не знаю другого капитана Йоссариана. Насколько мне известно, я единственный капитан Йоссариан, которого я знаю, и больше мне про Йоссариана ничего не известно.